

— 7 сентября 1988 г., кирха

— 28 июня открылась долгожданная XIX партконференция. Идеалисты связывали с ней какие-то смутные надежды: вот с неё-то, мол, перестройка по-настоящему только и начнётся, она, мол, должна "дать гарантии необратимости перестройки". Волновались по поводу выборов делегатов, с экранов телевизоров Адамович возмущался тем, что настоящих "перестройщиков" на конференцию не пускают.

— Делегатов выбирали на пленумах обкомов, где голосовали списком (может, не везде, точно не знаю, но в большинстве областей), который составлялся "активом", и в который чёрт-те кто только не попадал - какие-то совершенно посторонние для данной, например, области лица, в основном московские аппаратчики, военные и т.п. У нас в Калининграде на пленуме обкома делегат от АтлантНИРО предложил голосовать не списком, а за каждого кандидата по отдельности - его не поддержали.

— Я удивлялся: чего народ волнуется? Коммунисты - люди дисциплинированные, в любом случае проголосуют за то, что Горбачёв предложит, так какая разница - кого выберут? Консерваторы в этом смысле даже надёжнее - в части единодушного голосования.

— В какой-то степени конференция надежды оправдала. В том, во всяком случае, отношении, что следить за её ходом было интересно. По ТВ передавали, если не всё, то с не слишком большими изъятиями почти всё, что там говорилось с трибун, и развлечение получилось не хуже футбола.

— Началось, как положено, с доклада Генерального Секретаря. В целом он мало отличался от опубликованных заранее Тезисов и содержал, в сущности, одно единственное новое, но оказавшееся для всех совершенно неожиданным предложение: рекомендовать, как правило, на посты председателей Советов - секретарей соответствующих партийных комитетов (городских, районных, областных и т.д.).

— Делегаты, похоже, остолбенели на время от этого предложения. Столько говорили накануне конференции о разделении партийных и государственных органов, о подмене вторых первыми и т.п. - и вот на тебе! Что это такое? Разделение или слияние? Поначалу в выступлениях первых делегатов этот вопрос вообще и не затрагивался.

— Упомяну выступления (в хронологическом порядке), которые мне чем-то запомнились.

— Колбин - новый казахский первый секретарь - возмущался безответственной интеллигенцией, призывавшей к забастовкам и закрытию экологически вредных предприятий.

— Чазов - министр здравоохранения - задал риторический вопрос - на что валюту тратить: на импортные этикетки или на лекарства? Привёл печальные цифры о детской смертности и продолжительности жизни у нас.

— Академик Абалкин - директор Института экономики - заявил, что в экономике нет существенных сдвигов потому, что погнались в этой пятилетке за количеством и качеством одновременно. Первым, по-моему, высказался о предложении Горбачёва: времени, мол, мало было его обдумать, но что получается - значит, выборы из одного кандидата? И как это вяжется с разделением функций партийных и государственных органов?

— И ещё один намёк слабенький у него был: справимся ли мы с задачами перестройки в рамках исторически сложившейся однопартийной системы?

— На это ему на следующий день белорусская делегация в лице своего первого секретаря гневно возразила: - Какие тут могут быть сомнения?!!!

— За "пессимизм" Абалкину попало и от других делегатов, в том числе и от Горбачёва, который обвинил его в "экономическом детерминизме".

— 29 июня - второй день.

— Попов В.Ф. - Алтайский первый секретарь - накинулся на "Огонёк", который в №26 в статье "Противостояние" утверждал, что среди делегатов конференции есть взяточники.

— "В докладе мандатной комиссии этого нет", - гневался Попов, - "а у Коротича в "Огоньке" это есть!" Как, мол, так?

— Председательствующий поручил мандатной комиссии разобраться с этим делом.

— Генералы из Союза Писателей - Карпов выразил растерянную озабоченность, а Бондарев - тот и вовсе закатил истерику - наших бьют! Гласность в разнос пошла!

— Ивановский станкостроитель Кабаидзе очаровательно ругался, его выступление было самым раскованным, хотя бедняга и трясся весь - довела, видать, его борьба за самостоятельность... "У нас больше всех в мире министров, а работаем поганю!"

— Михаил Ульянов - артист - заступался за прессу и призывал к выборности и независимости редакторов местных газет, на что Горбачёв ему не совсем впопад отвечал, что нельзя одну монополию заменять другой.

— **30 июня** - третий день.

— Мандатная комиссия доложила, что среди делегатов нет привлечённых к уголовной ответственности за взяточничество или за что-либо ещё. Зал радостно заплодировал. Потребовали Коротича на трибуну - пусть, мол, объяснится.

— Тот вышел и доложил, что следствием неопровержимо доказаны факты взяточничества четырёх делегатов, но привлечь их к уголовной ответственности не позволяет существующее правило, по которому с ними, как с номенклатурными единицами, сначала должны разобраться в ЦК, а в ЦК это дело затягивают, и передал папку с соответствующими бумагами Горбачёву. Фамилии же назвать нельзя - по принципу презумпции невиновности. Зал смущённо притих, а Коротич с достоинством вернулся на своё место.

— Фёдоров - офтальмолог-предприниматель - хорошо Бондарева лягнул. Тот сказал, что мы взлетели высоко и не знаем, где сесть. А Фёдоров ему возразил, что это он - писатель не знает, а мы знаем, мол, прекрасно.

— Мельников из Коми АССР призвал гнать виновников застоя. Горбачёв попросил назвать - кого, например? Тот смело назвал Соломенцева, Громыко (сидевших в Президиуме), Афанасьева, Арбатова...

— Призывы воздать по заслугам "застойщикам" звучали ещё у кое-кого (кажется, у Постникова из Ставрополя и Стародубцева из Тульской области (Подольское агрообъединение)), на что Горбачёв разъяснял, что не хочет кулаком стучать и сверху перестройку проводить, так, мол, бюрократов всех не переделаешь, их 18 миллионов. Надо систему менять, чтобы их народ обуздал. Разъяснял своё предложение (рекомендовать секретарей в председатели Советов): - мы же, мол, правящая партия, и должны править.

— И последний день - **1 июля**.

— Мужественный Бакланов ратовал за гласность и единственный осудил Афганистан: - Решение вывести войска - это мудрое и мужественное решение, а вот на то, чтобы ввести туда войска - ни ума, ни мужества не потребовалось.

— Ему устроили обструкцию, шумели, не давали говорить. Горбачёву пришлось публику утихомиривать: - Дайте высказаться писателю, участнику войны...

— Настрой большинства депутатов (или, во всяком случае большей их части), по-моему чётче всего отразился в гневной реакции на выступление Бакланова.

— На закуску дали слово Ельцину. Тот просил о "прижизненной реабилитации" (по поводу его выступления на Пленуме перед 70-летием Октября в прошлом году). Оправдывался за интервью БиБиСи, в котором он признал, что без Лигачёва перестройка пошла бы быстрее, сетовал, что у нас даже "Огоньку" не удалось опубликовать интервью с ним (и ещё кому-то, "Московским новостям", кажется).

— Говорили, что его выступление на конференции по существу повторило то, что он говорил и на Пленуме. Никакой крамолы, разумеется, сказано не было, беспокоится

просто человек, что медленно перестройка идёт - только и делов.

—А уж Лигачёв-то его топтал!

—- Ты, Борис, не прав! Я вот в Томске хорошо работал, а ты Свердловск на карточки посадил! Если бы не я, ещё неизвестно, кто бы у нас генсеком был! И т.д., и т.п.

—Какой-то свердловчанин слегка за Ельцина заступился, но свердловская делегация тут же от этого заступника отмежевалась.

—Горбачёв в мягкой форме, но твёрдо осудил Ельцина за недооценку достигнутых результатов. Для него, похоже, было важно "гласно" закрыть "дело Ельцина".

—Шумели по Ельцину долго и заседали чуть ли не до полуночи - принимали резолюции. Их почему-то не сразу опубликовали. А ничего выдающегося в них не оказалось - всё те же общие фразы.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)